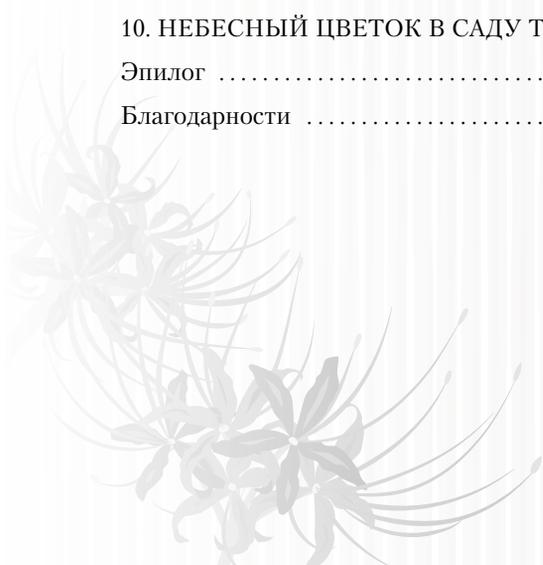

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
1. ЛЮБОВЬ, РОДИВШАЯСЯ С ВОСХОДОМ СОЛНЦА	9
2. АЛАЯ ПАУЧЬЯ ЛИЛИЯ, ИЛИ НЕБЕСНЫЙ ЦВЕТОК	48
3. С ПОСЛЕДНИМ ОПАВШИМ ЛЕПЕСТКОМ ТЫ УЙДЕШЬ	68
4. И В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ СПУЩУСЬ ЗА ТОБОЙ	108
5. СИНЯЯ ХИГАНБАНА ЗАЦВЕТЕТ В ПРЕКРАСНОМ САДУ	138
6. ЛЕПЕСТОК ДИВНОЙ САКУРЫ, УПАВШИЙ В КОЛЫБЕЛЬ	170
7. СЕМЕНА ЛЮБВИ, ПРОРОСШИЕ В ПРОШЛЫХ ЖИЗНЯХ	216
8. ЧУДОВИЩЕ В САДУ ПРЕКРАСНЫХ ЦВЕТОВ	254
9. НАДЕЖДЫ, РАЗЛЕТЕВШИЕСЯ ЛЕПЕСТКАМИ САКУРЫ НА ВЕТРУ	292
10. НЕБЕСНЫЙ ЦВЕТОК В САДУ ТЫСЯЧИ ЛЕПЕСТКОВ ...	336
Эпилог	376
Благодарности	381

~to 박지민

Посвящается Пак Чимину (BTS)

Посвящается тому, кто помог мне в темные времена.

*Блуждая с израненной душой в своем личном Ёми,
лишенная всякой надежды и света, я услышала твой
мягкий голос. Он пролился золотым лучом, укутал
в теплых объятиях, указал путь и вывел из сумрака.*

Твое существование вдохновляет и исцеляет.

Эту книгу я посвящаю тебе, Пак Чимин из BTS.

Пусть твой внутренний свет никогда не погаснет.

ПРОЛОГ

Легенда о Хиганбане

Э то было много тысяч лет назад, когда люди только начали заселять землю. Владычествующая в небе богиня солнца Аматерасу любила наблюдать за тем, как живут и молятся люди, почитая ее законы. А те, что нарушали божественные правила, наделялись плохой кармой и даже после смерти не могли очиститься от грехов своих. Перерождаясь, нечестивцы появлялись на свет чистыми младенцами, но испорченная карма продолжала преследовать их в новой жизни. И человека ждала несчастливая судьба. Тех, кто смиренно принимал все удары судьбы, из раза в раз творя благие дела, несмотря на боль и тяготы, ждала счастливая жизнь в новом воплощении. Их карма очищалась. С теми, у кого была плохая карма, судьба была особенно жестока. И тогда у наблюдавшей за человеческими невзгодами Аматерасу с ресниц сбежали огненные слезы. Ей хотелось помочь грешникам, которые вели праведную жизнь, тем, кто, по ее мнению, сумел очистить карму. Они не нуждались в перерождении и очищении в желтых водах Ёми.

Однажды, наблюдая за тем, как судьба особенно жестоко терзает благочестивую девушку, из глаз богини выкатилась слеза. Она упала в небесную почву, и сквозь божественную толщу пробился особенный цветок, способный освободить человека от бремени его кармы и очистить ее. Достаточно было только сорвать Небесный цветок, сделать из него отвар и выпить.

Цветок тот был особенно красив. Тонкий, длинный стебель венчала алая шапка. Из причудливых волнистых лепестков вырывались длинные тычинки. Они, словно солнечные лучи, стремились ввысь, как струны души тянутся к небу, чтобы

вымолить прощение и очиститься. Аматерасу назвала чудесный цветок Хиганбана* и оставила его расти в своих владениях — в Долине Высоких Небес.

Хиганбана был настолько особенным, что даже цвел и рос не так, как другие цветы. Его листья и цветки появлялись в разное время. Не бывало такого момента, когда их можно было видеть одновременно. В первые дни осени из-под земли стрелками пробивались стройные стебли, на которых пышными розетками зацветали кроваво-алые цветы. Когда они увядали, на свет острыми стрелами пробивались листья и оставались до весны. В начале лета зеленые листики увядали и цветок снова ждал появления своих алых соцветий. Так, рождаясь на одном цветке, листья и цветы никогда не видели друг друга.

Богиня не могла оставить без присмотра небесный цветок. Ведь его мог сорвать ёкай или какой-нибудь недобрый дух и отдать человеку с нечистой душой, который не очищает свою карму, а, наоборот, еще больше оскверняет. Некоторые бессмертные слишком доверчивы и добры к людям. Их легко обмануть, вызвав жалость, рассказав о несчастной судьбе, и хитростью уговорить их очистить карму. Не раз обманутые нечестивыми людьми духи пытались выкрасть из Высокой долины алый цветок, желая помочь тому, кто этого не достоин. Такого Аматерасу допустить не могла. Хиганбану могла сорвать лишь очистившаяся душа. И только с ее разрешения. Она велела двум природным духам охранять цветок. Мандзю, мужскому духу, Аматерасу приказала охранять цветы. А Сягэ, женскому духу, сидеть под землей и приходить в свой черед, когда листья пробивались из-под земли. Как и листьям с цветами, природным духам не полагалось видеться друг с другом. Но в планы Аматерасу вмешалось нечто более сильное, чем законы, установленные ею.

* Хиганбана, ликорис, мандзюсягэ, алая паучья лилия, огненный цветок, лисий цветок — это все названия одного и того же цветка. Здесь и далее в тексте будут использоваться все эти названия. Хиганбана зацветает в период осеннего равноденствия — хиган. Отсюда цветок и получил свое название. «Бана» в переводе с японского — цветок.

1. ЛЮБОВЬ, РОДИВШАЯСЯ С ВОСХОДОМ СОЛНЦА

ПЛЕЙЛИСТ ГЛАВЫ:

Bella Poarch — Living Hell

RM — Wild Flower

BTS — Your eyes

狐*

Меня зовут Мизуки — «красивая луна». Когда я родилась, полный лик луны смотрел с небес на мою мать и освещал мое появление на свет. Небесный лик так низко нависал над землей, что родители испугались и решили, что он свалится на землю и больше никогда не сможет подняться обратно на небеса. Но ничего подобного не случилось. Луна приветствовала мое появление на свет. Именно она наделила меня, прямого потомка богини Инари**, рыжую кицунэ***, особым даром. Я могла создать иллюзию второй луны в небе или невероятных размеров дерева. Сделать место или целые пространства, леса невидимыми для людского глаза.

Я была рождена в клане диких лисиц Ногицунэ****. Именно нам богиня плодородия Инари поручала нака-

* Иероглиф, обозначающий кицунэ.

** Инари о'ками — синтоистское божество изобилия, риса (и злаковых культур вообще), лис, промышленности, житейского успеха, одно из основных божеств синтоизма.

*** Кицунэ — японское мифологическое существо, обладающее магическими свойствами. Лисы-оборотни, которые могут превращаться в девушек с очень красивой внешностью. У этих ёкаев не один хвост, а несколько — от двух до девяти. Количество хвостов зависит от возраста лисицы. Новый хвост отрастает каждые сто лет. Когда кицунэ исполняется тысяча лет, она становится обладательницей девяти хвостов. Чем больше у кицунэ хвостов, тем большими магическими умениями она обладает.

**** Ногицунэ — разновидность кицунэ. Самый сильный, опасный и злой вид лис-оборотней.

зывать прогневивших ее смертных. Лисы из моего клана приходили к провинившемуся перед богиней человеку и карали без тени жалости. Сжигали целые рисовые поля, дома, сводили с ума до такого состояния, что отец семейства мог ночью перерезать всю свою семью. Когда я доросла до того, что мне доверили наказывать смертных, уже умела применять особо изощренные способы наказания и могла изрыгать из пасти огонь. Я стала ёриката — помощницей, исполнителем воли богини Инари и своего отца Кодзо, с чьей помощью уничтожала все, что принадлежало прогневившему богиню человечешке. Но куда забавнее было наблюдать, как смертный сходил с ума, брал факел в руки, поджигал им стебли так трепетно выращиваемого риса и уничтожал весь будущий урожай. Сам, по собственной воле. Я могла лишь слегка подтолкнуть к этому смертного. Но, если честно, все это было мне не по душе. Мне не нравилось убивать людей и быть смертоносным оружием в руках богини или отца. Я всего лишь хотела заслужить признание и одобрение Кодзо, который замечал мое существование лишь тогда, когда ему было что-то нужно от меня. С детства мне было ненавистно его имя — оно вызывало у меня неподдельный страх и дрожь во всем теле. Фраза: «*Тебя ищет Кодзо*» не сулила ничего хорошего. За ней всегда следовало либо несправедливое, жестокое наказание, либо поручение убить смертного. Лучше уж просто «отец» — за этим словом можно скрыть жестокость и подлость Кодзо.

Когда мне было лет двести, отца привлекла одна смертная. Он так хотел обладать ею, что готов был забыть о совести, чести и долге перед моей матерью. Я была младшей в клане. Отец считал меня еще совсем маленькой и глупой, неосведомленной в вопросах любви, неискушенной. Но он заблуждался — я не была такой уж неосведомленной. Я часто наблюдала за смертными и лисьими парами в нашем клане. Подглядывала за бесстыдными нарочками и точно могла отличить любовь от похоти. Сама я еще никого не любила — отец не разрешал до замужества иметь связи с мужчинами, а я и не спешила их заводить. Глядя на

частые измены родителя, начала испытывать отвращение к мужчинам. Боялась, что со мной будут поступать так же, как отец с моей матерью. Не хотелось повторять ее судьбу, лучше уж быть одной. Когда отец обратился ко мне с приказом уничтожить мужа смертной красавицы, было очевидно, что им управляет низменная похоть, а не возвышенные чувства, ведь ради любви невинных людей не убивают. Я не горела желанием в очередной раз отправлять кого-то в мир мертвых, но боялась прогневить жестокого отца. Поэтому решила побыстрее преподнести ему понравившуюся деревенщину на блюдечке, в надежде, что наконец-то смогу заслужить его одобрение и благодарную улыбку.

Бедолагу, с которым я должна была расправиться, звали Когими. Это имя я запомнила навсегда.

У меня тогда еще не было девяти хвостов, а только два. Именно столько бывает у двухсотлетней кицунэ. Все знают, что лисы-оборотни отрачивают очередной хвост каждые сто лет. Лишь когда кицунэ исполнится тысяча лет, она обретает все девять хвостов. В свое тысячелетие такая лиса становится очень могущественной и получает божественный дар, становясь высшим божеством. До появления третьего хвоста мне оставалось ждать немногим меньше ста лет. Чем больше у слуги богини Инари хвостов, тем больше у нее магических способностей. С двумя хвостиками у меня было не так много возможностей, как хотелось бы. Для этого задания отец на время поделился со мной частью своей силы, чтобы я могла сотворить все, что захочет мой беспокойный лисий дух.

— Кай-кай!

* * *

На горный хребет, где возделывал свое рисовое поле Когими, спустился вечер. Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо кровавыми красками. Великая богиня Аматерасу отправлялась на покой. И чем темнее становилось, тем прохладней дул ветер. Ноги смертных, весь день простоявших по колено в воде, наполнявшей рисовое поле,

очевидно, начали подмерзать. Люди то и дело вынимали из воды то одну ногу, то другую и растирали побелевшие ступни ладонями. Временами, чтобы сэкономить время, терли их о голень. От поля по воздуху разносился запах влажной травы с примесью терпкого аромата свежескошенного сена и только что приготовленного риса.

— Уже темнеет. Пойдем домой, а завтра продолжим работу, — обратилась к мужу Акасси. Она действительно оказалась красавицей. Глаз радовался, глядя на ее лицо, которое можно было сравнить с только что распустившимся бутонем сакуры, благоухающим в своем прекрасном цветении. — Наш малыш скоро проснется и захочет есть. Нужно успеть приготовить нам немного риса на ужин.

Я вытянула свою лисью морду из зарослей травы и увидела привязанного к спине Акасси младенца. Тот мирно спал, сморщив милое личико. Малыш был похож на отца.

— Ступай домой, — Когими вытер лоб и разогнул спину, — я еще немного поработаю и тоже пойду домой. Рис как раз уже будет готов, и мы вместе поужинаем.

— Хорошо, — покорно кивнула Акасси, — думаю, успею приготовить еще рисовых лепешек к твоему возвращению.

Жена Когими вышла из рисового поля, опустила заправленные за пояс-оби́ полы кимоно и направилась к тропинке, ведущей вниз. Ее спина изящно выгибалась, но женщина не казалась хрупкой. Долгие годы тяжелой работы в поле и дома сделали мышцы ее рук твердыми. А спину, к которой был все время привязан ребенок, — крепкой. Последние лучи солнца осыпали золотом удаляющийся силуэт молодой женщины. Усиливающийся ветер играл с выбившимися прядями черных волос. Несмотря на усталость и изнуряющую работу, которая длилась весь день, Акасси сохранила легкую походку. Ее тело дышало жизнью. Провожая смертную взглядом, я понимала, почему она так понравилась моему отцу. Я сама с трудом отвела восхищенный взгляд от нее.

Когда солнце покидает землю, сначала темнеет в лесу, затем погружается во мрак долина и равнина. И только го-

ры сдаются последними. Они долго борются, задерживая на своих макушках призраки ушедшего дня, не желая расставаться со светом. Когда горы, сдавшись, отпускают на ночной покой последний солнечный луч, наступают густые сумерки, а в лесу царит ночь. Путь к дому Когими лежал через лес. Это сыграло мне на руку. Я решила подождать его на лесной тропинке, свернувшись в клубок. Он едва не наступил на меня в темноте. Когими наклонился, чтобы рассмотреть то, что лежало у него под ногами.

— Хм... лисица. Кажется, мертвая. Интересно, что с ней могло случиться? Заберу-ка я ее с собой домой. Посмотрим, что можно будет сделать с мехом.

Он протянул ко мне руку, и я мгновенно обернулась красивой девушкой — намного красивее его Акасси.

— Ой! — Он отдернул пальцы, которые мгновение назад прикасались к мягкой шкурке, и непонимающе посмотрел на меня.

— Умоляю! Не убивайте! — Я закрыла лицо руками, изображая испуг. Тело била дрожь, будто его окатили ледяной водой из зимней реки.

Мне не терпелось воспользоваться отцовской силой и проверить ее в деле. Я чувствовала, какой огромной она была внутри меня. Сконцентрировала энергию и направила в середину ладони правой руки. Сжала кулак, накапливая силу, и, как только поток серой энергии был готов вырваться на свободу, — разжала пальцы. Сизый туман направил свои острые, как языки пламени, кончики к лицу смертного, полностью окутав его голову. Затем энергия дурмана приняла форму двухголовой змеи. Извивающиеся головы нырнули в глаза Когими, и туман тут же исчез, проникнув в голову несчастному смертному. Морок, который я напустила на этого крестьянина, заставил его верить всему, что он увидит или услышит. Молодой, сильный крестьянин стал глупой, безвольной тряпичей в моих руках.

— Я прошу простить меня, — Когими быстро справился с испугом и вежливо поклонился мне, — в темноте мне привиделась мертвая лисица, вот и решил взять с собой. Но

внезапно на ее месте оказались вы. В темноте может всякое померещиться. Не хотел вас оскорбить, простите.

— Вы не поможете мне подняться? — я протянула наивному смертному руку.

— Конечно-конечно, — он взял меня за руку и помог встать. Как только наши взгляды встретились, он снова поклонился и засыпал меня вопросами: — Скажите мне, прекрасная дева, что вы делаете здесь, в лесу, одна? И зачем вы легли посреди дороги? Вы точно не кицунэ, которая бродит по ночам и дурачит запоздавших путников?

— Никакая я не кицунэ! — возмутилась я. — Держу путь в храм богини Инари, чтобы помолиться об урожае риса. У моего отца маленькое поле. И земля на нем истощилась. Все говорит о том, что рисом в этом году мы не сможем запастись и нас ждет голодная зима. Отец отправил меня в храм, чтобы вымолить у богини хороший урожай. Тогда будущую зиму смогут пережить все члены моей семьи.

— Понимаю вас, без запасов зимой будет туго. Мы с женой, наоборот, ждем хорошего урожая. Возможно, нам удастся выменять излишки риса на что-нибудь еще. Но почему вы лежали на дороге? Вы, возможно, ранены? — По лицу Когими скользнула обеспокоенность.

— Я так долго шла и сильно устала, что решила прилечь и немного отдохнуть. И не заметила, как уснула, а вы разбудили меня.

— Не стоит юной девушке бродить так поздно одной в лесу. До храма вам еще полдня пути. В нашей деревне нет святилища Инари, есть только в соседнем селении. Вы не сможете добраться туда сегодня — придется заночевать в нашей деревне. Можете остановиться в моем доме на ночь. Мы с женой будем рады приютить вас на одну ночь. Утром, когда встанет солнце, сможете продолжить свой путь к храму. Вы позволите узнать ваше имя?

— Мизуки, — скромно поклонившись, ответила я.

— Рад нашей встрече, — поклонился в ответ смертный и сообщил свое имя, которое мне уже было известно от отца. — Я Когими, рад познакомиться...